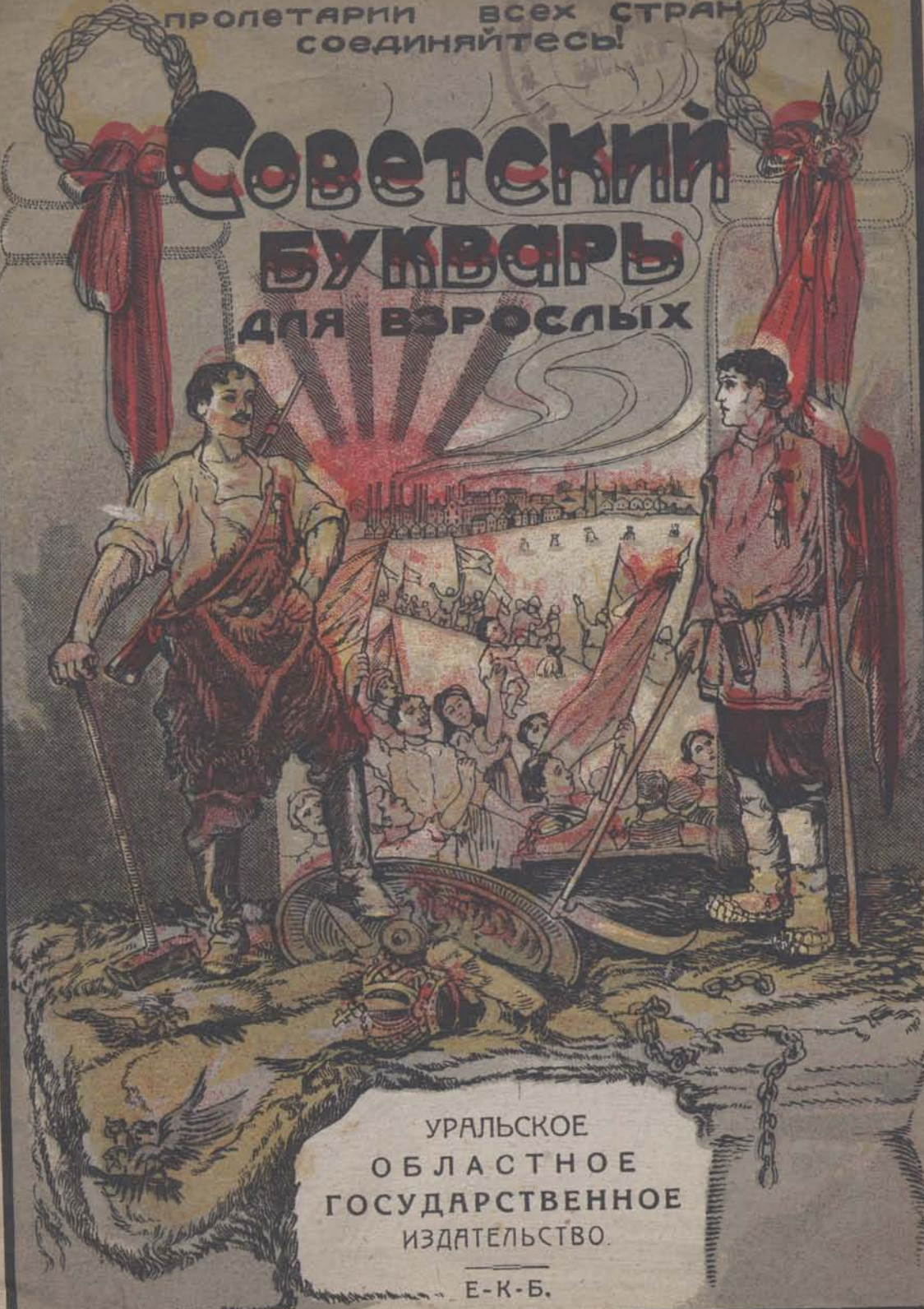

491, #1(0758)
с 561 ред

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Советский Букварь для взрослых

УРАЛЬСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Е-К-Б.

P24 401 41/0758

С-561

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Советский Букварь для взрослых

УРАЛЬСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Е-К-Б.

сш

Аа Бб Вв Гг Дд Ее
Жж Зз Ии Кк Лл Мм
Нн Оо Пп Рр Сс Тт
Уу Фф Хх Цц Чч Шш
Щщ Ъь Ыы Ьь Ээ Юю

ГОС НАУЧНАЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. К. Д. Ушинского

№

75-14127

Яя Йй

*Аа Бб Вв Гг Дд
Ее Жж Зз Ии Кк Лл
Мм Нн Оо Пп Рр Сс
Тт Уу Фф Хх Цц Чч
Шш Щщ Ъь Ыы Ьь Ээ
Юю Яя Йй*

Аа

у

Х

Ау, ау

Ух, ух

О

Ох, ох

yx	ox
yc	ax
yx	yx
ox	yc
yx	yx
yc	ax

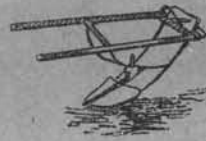
ayc axo

С

ay, yx, yc, ox

Ус, ус

о са
о су
о са

у хо
у ха
у хо

со ха
су ха
су хо

о са, у хо, со ха

со ха

М

Му ха
му ха

су ма
су ма

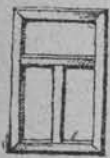
му ха
су ха
су ма
су ха

су ма
са ма
су ха
со ха

М му ма

Сума суха

Р

Ра ма
ра му

у ра
о ру
о ру
у ра

ра ма
ро са
со ха
ро са

ра ма
ма ма
са ма
ро са

р ра ма

Рама суха

Ы

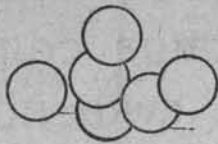
У сы

Ы усы

ра мы
ро сы
хо ры
со мы
су мы

су ма сы ра
ро сы сы ры
у сы у о сы
о сы у со ра
у сы у со ма

Ш

Ша ры

Ш шары

су ма
су ша
су шу
ма шу
ша ры

су ма сы ра
су шу су му
ша ры у Шу ры
ша ры сы ры
су шу ша ры

Н

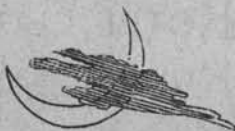
Но шу

Н носы

но ра
но ша
на ша
ра на
ра но
но ра

но шу су му
на ша но ша
но ша сы ра
но ра су ха
ра на у сы на
ра на у но са

Л

Лу на

Л луна

мы ло
ма ло
са ло
ма ло
мы ло

му ха ма ла
ма ма мы ла
мы ла ма ло
мы ло сы ро
ма ло са ла

Солома суха.
Солона уха.
Хороша сума.
Сахара мало.

Сало солоно.
Мыло хорошо.
Рана у шалуна.
Сухо у шалаша.

К

Коса

К Коса

ко са
ко шу
ка ша
ку ры
ко ра
ко сы

Коса хороша.
Кошу осоку.
Каша солонна.
У сука кора.
На суку сорока.
Сорока хороша.

П

Пашу

П Пашу

па шу
па ра
по ра
по лы
ла пы
ла па

Пашу полосу.
Сыра полоса.
Мама пахала.
Маша копала.
Паша полола.
Солома пылала.

Т

Топоры

Т Топоры

ко ты
со ты
ха та
то ну

Хата мыта.
Полы мыты.
Коты сыты.
Куры сыты.
Мама мыла хату.
Хата хороша.

У хаты корыто. Паша мыла корыто. У Потапа топоры тупы.

В

Во ро на

во ры
во лы
ва лы
ва та

Корова сыта.
Ворота новы.
Канавы сыра.
Волосы русы.

В ворона

молоко хорошо.

Ваша хата висока. У хаты
вырыта канава. Канава сыра.
Около канавы трава. У коровы

Бб

Бу сы

ба ба
бо бы
ры ба
шу ба

Бусы у бабы.
Бараны сыты.
Борона нова.
Болото сыро.

Б бусы

бороновала. Хороша баба.

У бабы была рубаха. Баба
мыла рубаху. Рубаха была но-
ва. Баба работала. Она пахала,

З

Зу бы

ко за
ло за
ро за
зо ла

Зову козу.
Коза у лозы.
Зову собаку.
Зубы у собаки.

З зову

была сыта.

У канавы была коза. У ло-
зы коза. Лоза была висока.
Коза лазала на лозу. Коза

Ж

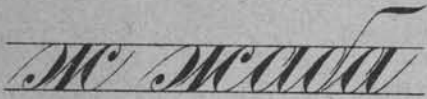

жа ло
жа ра
са жа
ко жа

Кожа сыра.
Сушу кожу.
Мажу кожу.
Кожа хороша.

Жа ба

Была жара. Жаба была
у болота. У жабы лапы. Ко-
жа у жабы сыра. Жаба кусала

жука. У жука кожа суха.

Кот

кот
кол
ком
кон

рак
мак
лак
сак

Жук мал.
Рак мал.
Мак рос.
Кот сыт.

У нас был бык. Бык был зол. Бык завыл.
Бык напал на собаку.

Б

Конь

конь
лось
соль
хорь
моль

куль
руль
путь
мать
мазь

Конь сыт.
Путь сух.
Хорь зол.
Моль мала.
Куль сух.

Пахарь пахал. Сын бороновал.
Мать покупала рожь. Рожь выросла. Пора жать
рожь. Мать жала. Антон молот рожь. Намолот
куль. Мука хороша.

И

И ва

и ва

ли са
си ла
пи ла
зи ма

Иван косит.
Осип сушит.
Тит молотит.
Никита возит.

Наступила зима Мужики рубили осины, пилили их. Топили овин. Возили в овин рожь. Там рожь сушили и молотили.

Ее

Е ли

е ли

ле то
не бо
се ло
ре ка

Ели кисель.
Пели песни.
Везли сено.
Пекли репу.

Было лето. Мужики на заре косили. Бабы сушили сено, носили на сеновал. После купались в реке. Весело на сенокосе!

Д

Дом

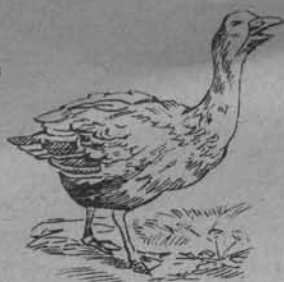
д о м

дос ка
дуп ло
дет ки
вед ро

Дом высок.
Дети малы.
Дед сед.
День весел.

Дуб — дерево. Дед посадил жолудь. Жолудь дал росток, и вырос дубок. Умер дед, а из дубка выросло большое дерево.

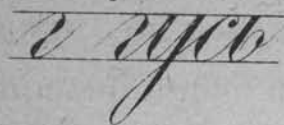
Г

го род
го рох
го лубь
гал ка

угол у дома.
уголь горит.
огонь погас.
пирог готов.

Гусь

В огороде вырос горох.
Вошли гуси, ели горох, гого-
тали. Гони их, Гаша! Гонит

Гаша. Бегут гуси из огорода.

Ч

чаш ка
чур ка
чул ки
чер ви

Ночь темна.
Печь тепла.
Речка чиста.
Чиж летает.

Ча сы

Был вечер. Дорога чернеет.
Речка журчит. На речке чел-
нок. В челноке едет человек.

Ц

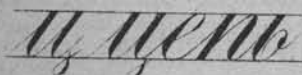

це пи
це пы
о тец
ов ца

Цеп на гумне.
Цепь у собаки.
Купец торгует.
Отец учит.

Цепь

Цеп

Отец купил цепочку и
кольцо. Цепочку дал сыну,
кольцо дочери. Пошли дочь и сын по улице из
конца в конец. Сын показывает часы и цепочку,
а девица кольцо на пальце.

Ш

ше нок

ше гол

щеп ка

щип цы

Щука рыщет.

Леща ищет.

Щенок пищит

Щепу тащит.

Щука

М. Мука

Отец ловил рыбу. Вытащил леща и щуку. Мать

думала; вычищу леща и щуку, угощу деток. А кэт утащил леща и щуку. Остались детки без пищи.

ста рик

ста до

сто га

сту жа

тру ба

кру па

гру ша

гро за

дро жу

бро жу

све ча

сте на

сле за

сли ва

гли на

гри бы

Жгу дрова.

Гну дугу.

Мну траву.

Рву цветы.

Жду друга.

Жму руку.

Умер муж, осталась Груша одна с троими детками. Много скотины было на дворе. Много жнива в поле, много травы на лугу. Везде старалась поспевать вдова. Дети плакали, есть просили, а груше надо было спешить ехать в лес по дрова. Много труда стоило вдове вырастить деток. Выростила и деток научила жить своим умом и трудом.

Я

Яго да

ня ня
тя тя
дя дя
мя со

Няня качает.
Ваня скачет.
Варя плачет.
Вася пляшет.

я ягода

Овцы едят траву. Собаки едят мясо. Телят, жеребят, щенят поят молоком. Цыплят да утят кормят яйцами и зерном.

Ю

Ю но ша

лю ди
тю ки
рюм ка
люль ка

Пою песню.
Люблю тюрю.
Ловлю рыбу.
Коплю деньги.

ю юноша

Весною начинаются в поле работы. Пашут пашню сохой. Сеют яровые хлеба. В огороде копают гряды, сеют, сажают, полют, поливают,

Ёж

ё ёж

тёт ка
тёл ка
зёр на
вед ра

Лён зелен.
Лёд крепок.
Мёд сладок.
Пёс зол.

Ёлка

Растёт в поле овёс, жито, лён. Поёт жаворонок. Пчёлы мёд собирают. Птицы зёрна клюют. Придёт осень, тётки лён таскают, овёс косят.

Ф фо нарь
 фи лин
 фар тук
 Фо нарь каф тан

ф фс нарь

Жила красавица Фе-
 ня. Нарядилась Феня
 в кофту, надела шарф,
 взяла муфту и защего-
 ляла.

Э э хо
 э то
 э тот
 Э та жи э таж

Э Эхо

Петр в лесу закри-
 чал: эх! Ему отозва-
 лось: эх. Петр крик-
 нул: эге! и в лесу: эге.
 Кто это там?—Эхо.

Й май
 И Са рай чай
 пей

й, сарай

На Бога надейся, да
 сам не плошай. Лето
 пролежишь, зимой с су-
 мой побежишь. На чу-
 жой коровой рта не ра-
 зевай а свой затевай.

Ь ульи
 колья
 белье
 Семь я ручьи

Ъ съ ем об еду
 съ ел от еду
 съ еду от езд
 въ еду об езд

Ручьи текут. Соловьи гнезда вьют. Из ручьев
 воду пьют. Соловьиная песня льется. У девицы
 сердце бьется.

Царь, поп и кулак. Кулаки все за царя. И попы все по царю плачут.

С чего это? А вот с чего. При царе земля-матушка кормила помещика. Помещик мужика в два кнута стегал. А царь был сам крупный помещик, все министры его были тоже крупными помещиками. Не мудрено, что царь, защищая землю для помещиков, умирал мужиков, драл с них громадные налоги. Кто молится за царя? Поп, который получал за это казенное жалованье, церковную землю. Поп, который мучил крестьян трудами.

Беднота крестьянская прогнала помещиков и царя. Власть бедноты—Советская власть, лишила попов казенного жалованья, отняла землю у попов богатства—у игуменов.

Теперь кулак начинает бояться бедноты. Мироед чувствует, что крестьянская беднота и трудовые крестьяне могут его поприжать, могут помешать ему вылезть в помещики. Кулаку ближе помещик, чем крестьянин-бедняк. Кулаку царь больше по душе, чем рабочие советы и комитеты бедноты. Потому поп и кулак объединяются против советов. Мироед под руку с монахом требует снова царя.

А это значит: старые налоги, помещику — земля а на шее у крестьянина—царь. „Рука руку моет“.

Кто хочет снова получить помещиков и царя, пусть идет с кулаком и попом. Кто хочет сохранить землю и свободу тот должен идти войной на кулака.

Камень. Один бедный пришел к богатому и стал просить милостыню. Богатый не дал ничего и сказал: „Поди вон!“ Но бедный не уходил. Тогда богатый рассердился, поднял камень и бросил им в бедного.

Бедный поднял камень, положил за пазуху и сказал: «До тех пор буду носить этот камень, пока не придется и мне бросить в него». И пришло это время.

Пришел к бедным людям большевик и говорит: «Довольно вам бедовать, да на других работать. Берите себе все, что сработаете и друг с другом делитесь». — «А как же нам не бедовать да не работать? Так Бог и царь велят». — «А кто это сказал?» спрашивает большевик.

„Урядник, поп и царь“.

„А давайте, посадим их в тюрьму, пусть посядут“.

Шел мимо урядник, нагайка в руках

Отняли нагайку, посадили его в чижовку. Понравилось беднякам. Глядят, поп за поборами едет. Лошадь отобрали, свели попа в чижовку. Понравилось! Ждут, не пойдет ли царь. А тот не дурак, сидит во дворце и ворота запер. Большевик и говорит: „Чего нам ждять? Идем сами“.

Пошли скопом и флаг красный впереди несут. Как запели „Коммунистическую Марсельезу“, ворота сами упали. Зашли во дворец, выволокли царя, тоже в чижовку заперли. И стал такой вольный дух, что все обрадовались. „Все мы теперь большевики“, говорят.

Обрадоваться не успели, глядят: богатый идет, а за ним приспешников и прихвостников туча. „Что вы делаете?—закричал богатый.—Марш на работу! Я буду во дворце сидеть“. Пошел и сел у окна, а в двери пушки выставил.

Достал тут бедный из-за пазухи камень и дал богачу прямо по черепу. Не успели и пушки выпалить. Не стало богатого, а приспешники разбежались.

Пошел весь народ на себя работать. Идут и «Интернационал» поют.

Что делать бедноте в деревне. Деревенская беднота, батраки, трудовое крестьянство должны установить в деревне такой порядок, который бы перестроил всю деревенскую жизнь для пользы бедняка.

Прежде всего надо сделать так, чтобы у одного было не больше богатства, чем у другого. Надо в каждой деревне переписать все деревенское имущество—хлеб, скот, орудия и т. д. и сделать договор, что все это принадлежит всей деревне, и никто не имеет права взять для себя ни одного фунта хлеба, ни одной лошади, ни одного плуга и т. д. А если возьмет, то он будет вор у общества, и деревня прогонит его из своего общества.

Затем надо и людям учет сделать. Надо распределить, что кому делать: кому пахать, кому кузнецом быть, кому сапожником. Без этого нельзя, потому что деньги надо уничтожить, чтобы не было покупки и продажи, а чтобы был обмен своим трудом.

Сапожник за свой труд будет получать от пахаря хлеб, от кузнеца гвозди, а пахарь будет получать сапоги и кузнечные изделия. Нужно, чтобы каждый трудился. Надо трудовую повинность ввести. Всем миром надо определять труд. Вот тогда деревенская беднота и будет сильна.

Дальше. Когда мы, таким образом, сделали учет всему деревенскому имуществу, сделали учет людям, знаем, кому что делать, свое рабочее время распределили,—теперь нам необходимо правильно распределять все наше богатство, все, что мы зарабатываем, чтобы шло на общую пользу, а не так, чтобы каждый себе в карман норовил. Вот, например, усадьбу помещичью разнесут, разделят по рукам и... была усадьба, и нет ее. А ведь построена-то она нашими же руками, все ее богат-

ство—наше же. Поэтому нужно не растаскивать, а охранять, беречь свое добро—на общую пользу. Вот тогда и будет у нас порядок и не будет нужды.

Жизнь—борьба. О жизни нашей сказано много разных слов. Говорят, например: «жизнь не копейка» или «жизнь есть борьба за существование».

Был, говорят, Адам из глины и Ева—из ребра его. Эти первые люди ели, говорят, сначала яблоки в раю, а потом согрешили, изгнали их из садов райских, и стали они в поте лица своего есть хлеб свой.

Наука никаких Адамов не знает. Рассказывает она о том, как на земле вся жизнь налаживалась и люди сначала на людей похожи не были, по деревьям лазали, потом в пещерах ютились, ходили нагие, еле прикрытые шкурами. Даром им ничего не давалось: все приходилось доставать трудом и борьбой с природой, зверями и друг с другом; и только тот из них выживал, у кого зубы были крепкие и силы было побольше.

Прошло не мало веков, прежде чем люди смогли добывать огонь, строить себе кое-какие жилища и жить не вразбивку, а общинами. Век за веком изменялись порядки жизни человечества. Борьба за существование принимала новые формы. Уж не все стали ходить на охоту и добывать себе пищу прямым путем, а обходились иначе. Например, один делал посуду, наделял ею других, а от них получал съестное.

Всякий занимался тем, к чему более был способен, и этим трудом мог обезпечить себе существование. Сообразительность, сила и хитрость все же позволяли одним жить лучше других и многих держать в подчинении

Борьба отдельных людей заменялась борьбой целых селений, или родов, или таких артелей,

которые об'единило общее занятие. Какое-либо бродячее племя, ища себе наиболее удобного для жизни места, встречало на своем пути другое племя, и возникал новый, „кровавый“ спор народа с народом. Стали подмечать друг в друге различие „пород“ и происхождений,—то, что потом обратилось в большую разборчивость и оценку человека не по его личным достоинствам, а по принадлежности к той или иной „расе“

Люди совершенно позабыли, что все они—дети земли и в борьбе за существование должны быть равны. Многочисленное племя бездельников, покорившее меньшую семью труженников, начало пользоваться чужой способностью к борьбе и его руками покупало право на жизнь. Люди настроили между собою столько несправедливых перегородок, что им трудно стало припомнить, как естественным путем началась жизнь их далеких предков много веков тому назад. Не кажется странным то, что многие, ничего не делая, живут гораздо лучше тех кто не знает отдыха ни днем ни ночью.

Получившие завет: „в поте лица своего есть хлеб свой“, допустили до того, что белоручки и лежебоки взяли власть над всеми остальными, на своей шее они вскормили разных царей, дворян и прочих управителей.

Теперь мы должны собрать в одно всех труженников и ополчиться на дормоедов, богачей и бездельников. Мы должны отнять у них все преимущества и заставить работать наравне с нами. Никто не имеет права быть сытым, если бедняк, несмотря на каторжный труд свой, не мог добыть себе пропитание. Пусть он будет накормлен даже в том случае, если не мог работать вследствие того ярма, нищеты и безправия, которое

было наложено на него прежними годами неправильной жизни людей.

Царство капитала и доля трудящихся. Во всех странах кроме России после октябрьского переворота, а до октября и в России у власти стоит капитал.

Какое государство не взять — полусамодержавную ли Пруссию, или республиканскую Францию, или так называемую демократическую Америку — всюду всю силу держит в руках крупный капитал, пока рабочие и крестьяне не сделают революции и не сбросят дармоедов с плеч.

Небольшая кучка людей — крупных и крупнейших банкиров, помещиков и фабрикантов — держит в рабстве и кабале миллионы и сотни миллионов рабочих и деревенских бедняков, заставляет их трудиться из под палки до седьмого пота и вышвыривает их на мостовую, как только они уже не годятся, изработались, измотались и не могут приносить прибыли Господину Капиталу.

Такую страшную власть банкирам и фабрикантам над миллионами труженников дает богатство.

Почему бедняк, выброшенный на улицу, принужден умирать с голоду? Потому, что у него нет ничего, кроме пары рук и пары ног, которые он может запродать капиталисту, если они этому капиталисту нужны. Почему богач-банкир или промышленник может ничего не делать и жить припеваючи, получая солидные доходы, сгребая прибыли ежедневно, ежечастью, ежесекундно? Потому, что он владеет не только парой рук и ног, а теми средствами труда, без которых теперь нельзя работать: фабриками, машинами, железными дорогами, рудниками, землей, кораблями и пароходами, всевозможными аппаратами и разными инструментами.

Это накопленное людьми богатство принадлежит во всем мире, за исключением теперешней России, только капиталистам и помещикам, которые тоже превратились в капиталистов. А при таком положении дела не мудрено, что, имея в руках все необходимое, самые нужные вещи, куча людей господствует над остальными, которые не имеют ничего.

Приезжает бедняк из деревни в город и идет искать себе работы. К кому? К хозяину. К тому, у кого есть фабрика или завод. А хозяин волен казнить, волен миловать. Если ему его слуги верные — директора и счетоводы — подсчитали что можно выгонять деньги из новых рабочих с большей выгодой, чем из одних только старых, тогда он „дает работу“. Если нет, он говорит ему: „проходи дальше.“ Капиталист на фабрике — царь и бог. Ему все повинуются, слушаются его распоряжений. По его велению фабрика расширяется или сокращается. По его приказу через мастеров и администрацию идет расчет и прием рабочих. Он определяет, сколько рабочие должны работать, какую плату должны получать. И все это происходит потому, что фабрика — это его фабрика, что завод — это его завод, ему принадлежит, является его частной собственностью. Вот эта частная собственность на средства производства и является причиной той страшной силы, которая находится в руках капитала.

То же происходит и на земле. Возьмите самую рассвободную и раздемократическую страну — Соединенные Штаты, о которых буржуазия все уши прожужжала. Тысячи рабочих обрабатывают чужую землю, землю крупнейших помещиков-капиталистов. Все поставлено здесь, как на огромной фабрике: десятки и сотни электрических плугов, косилок, жнеек, жнеек-сноповязалок, при

которых трудятся с утра до ночи наемные рабы. И точно так же, как на фабрике, они работают не на себя, а на хозяина. Потому что и самая земля, и семена, и машины,—словом, все, кроме самих рабочих рук, есть **частная собственность хозяина - капиталиста**. Он здесь самодержец. Он приказывает и ведет дело так, чтобы больше пота и крови превращалось в звонкий желтый металл. Ему повинуются, ворчат иногда, но продолжают гнать деньги на хозяина, потому что у него все есть, а у рабочего, у деревенского бедняка нет ничего.

Иногда бывает, однако, что помещик не нанимает рабочих, а сдает свою землю в аренду. У нас в России, например, крестьяне-бедняки, с маленькими наделами, где только курицу пасти можно было, были вынуждены арендовать землю у помещика. Они работали на ней своею лошадью, плугами, сохами и боронами. Но и тут их нещадно обирали. Чем сильнее была нужда в земле, тем больше арендных драг помещик, забирая крестьянина-бедняка в настоящую кабалу. Почему он мог это делать? Потому, что земля была тогда **его, помещика, земля**; потому, что на землю была **частная собственность помещичьего класса**.

Буржуазия. Капиталистическое общество делится на два лагеря: тех кто много работает и мало и плохо ест (трудящийся класс), и тех, кто мало работает, но зато много и хорошо ест (буржуазия). Это выходит не совсем по „Писанию“, где сказано: „Трудящийся да ест“. Однако, такое обстоятельство не мешает попам всех вер и языков восхвалять капиталистические порядки: ведь попы получают везде (кроме Советской Республики) казенное содержание от капитала.

Как же может куча паразитов **удержать** частную собственность на необходимые всем средства труда? Каким образом эта частная собственность дармоедских классов держится до сих пор? Где этому причина.

Эта причина лежит в превосходной **организованности** врагов трудового народа.

Но самым важным их союзом является **буржуазное государство**. Эта хозяйская организация держит в своих руках все нити управления и силы. Тут все взвешено и рассчитано, все придумано и прилажено так, чтобы при первой попытке со стороны рабочего класса восстать против господства капитала эту попытку тотчас же задушить. В распоряжении государства—глубокая материальная сила (шпионы, полицейские, суды, палачи, вымуштрованные и потерявшие душу солдаты) и сила духовная, которая исподволь развращает рабочих и бедноту, воспитывая их в ложных понятиях. Для этой цели буржуазное государство имеет школу и церковь, к которым присоединяется еще и капиталистическая печать. Буржуазия хочет превратить рабочий класс в свиное стадо, послушное и годное для уояа, не рассуждающее и постоянно повинующееся. Вот почему буржуазия через школу и церковь внушает уже детям мысль о том, что нужно повиноваться властям, ибо они поставлены от Бога. Только рабочая и крестьянская власть вместо молитв удостоилась церковного проклятия, потому что отказалась выплачивать от казны рясофорным обманщикам.

Величайшая организованность буржуазного класса позволяет ему удерживать частную собственность. Богачей самих мало, но около них—изрядное количество их самых верных, преданных и

великолепно оплачиваемых слуг: министров, директоров заводов, директоров банков и т. д.; около этих последних еще больше их помощников, получающих поменьше, но зависимых от них целиком, воспитанных в том же духе; они сами метят на такие же места, если удастся выслужиться; за ними следуют еще менее крупные чиновники и агенты капитала и т. д. „Детка за репку, бабка за детку, внучка за бабку“—все они идут друг за другом, связаны единой организацией

Это и есть те порядки, какие называются капиталистическими и которым повиноваться приглашают господа капиталисты и их слуги: попы, кулаки, меньшевики, эс-еры и прочие добрые знакомые всякого рабочего и крестьянина.

Коммуна. При коммунистическом строе все богатства принадлежат не отдельным лицам и не отдельным классам, а всему обществу.

Все общество здесь — как громадная трудовая артель, коммуна. Хозяина над ней нет никакого. Все—равные товарищи. Никаких классов нет: ни капиталистов, которые нанимают рабочих, ни рабочих, которые нанимаются у капиталистов.

Работают сообща, по выработанному и высчитанному трудовому плану. Подсчитает центральное статистическое (счетное) бюро, что в год нужно произвести столько-то и столько-то сапог, брюк, колбасы, ваксы, пшеницы, холста, и так далее; подсчитает оно, что для этого на полях должно работать такое-то количество товарищей, на колбасных заводах такое-то в крупных портновских общественных мастерских такое-то, — и вот соответствующим образом распределяются рабочие руки.

Все производство ведется на основе точного учета всех машин и орудий, всего сырья, всех рабочих рук общества.

Точно высчитываются и ежегодные общественные потребности. Производимый продукт складывается в общественных магазинах, откуда и распределяется между товарищами-работниками. Работают только на самых крупных заводах, на самых хороших машинах, так как они сберегают труд.

Управление производством — самое экономное: всякие излишние затраты избегаются, а чтобы их не было, этому делу помогает один общий план всего производства. Тут нет такого порядка, чтобы в одном месте вели дело по одному, в другом — по другому; в одном не знали, что делается в другом. Тут наоборот, чуть ли не весь мир взвешен и подсчитан: хлопок возделывают только там, где для этого самая подходящая почва; производство угля сосредоточивают в самых богатых коях; железоделательные заводы строят поблизости от угля и руды; где почва годится для пшеницы, ее не застраивают городскими громадами-домами, а сплошь засевают. Все, словом, распределяют так, чтобы каждое производство находило для себя наилучшее место, где бы работа спорилась лучше всего, где бы все легче доставалось, где бы труд человеческий был самым производительным.

Всего этого можно добиться и достигнуть только при едином плане, при полном объединении всего общества в одну громадную трудовую общину — артель, коммуну.

Люди в этом **коммунистическом** строе не сидят на шее один у другого.

Здесь нет богатых и выскочек, нет начальников и подчиненных; здесь общество не делится на классы, из которых один господствует над другим.

А раз нет классов, это значит, что нет нескольких сортов людей (бедных и богатых), из которых одни точат зубы против других, угнетатели против угнетенных, угнетенные, против угнетателей.

Поэтому нет и такой организации, как государство: ведь нет господствующего класса, который нуждался бы в особой организации для содержания в ежовых рукавицах своего классового противника. Нет управления над людьми и власти человека над человеком; есть только управление над вещами, над машинами, власть человеческого общества над природой. Род людской не разбит на враждующие лагеря: он объединен здесь общим трудом и общей борьбой с внешними силами природы. Пограничные столбы срыты. Отдельные отечества уничтожены.

Все человечество без различия наций связано во всех своих частях и организовано в одно единое целое.

Все народы здесь — одна великая дружная трудовая семья.

С к а з к а .

Вот, братцы, сказочка про одного царя.

По правде говоря,

Мне сказки про царей изрядно надоели,

Но как же быть-то в самом деле?

Обычай сказочный нас с вами постарей.

Выходит: люди без царей

Жить раньше вовсе не умели.

Нередко царь иной чинил такой грабеж

И измывался так над бедным черным людом,

Что становилось народу невтерпеж

И делал он царя такого — чорту блюдом.

Но так как всякий царь всегда защитник чей?

Известно — богачей,

То в случаях таких все богачи согласно
Вопили в ужасе, подняв переполох,
Что, как де царь ни плох,
Но вовсе без царя беда как быть опасно,
Что царству надобен порядок, то да се..
Глядь, не успел народ еще в суть дела вникнуть,
Как уж ему нельзя и пикнуть.

Пропало все!

В порфире царской и в короне
Вновь чучело сидит какое-то на троне.
Сегодня чучело, а через день — злодей.
Вот повстречался царь однажды с мужиком,
А только что мужик не рад был этой встрече:

Был он к царю силком

Приведен издалече.

Глаз-на-глаз с мужиком оставшихся в покое

Промолвил царь, уписывая щи:

„Ужотко не взыщи

На добром слове,

А петля для тебя давно, брат, наготове.

Слух про тебя идет, считай, который год,

Что ты мутишь честной народ,

Морокой разною морочишь,

И царству нашему лихой конец пророчишь...

Постой... про что, бишь, я с тобою говорю?

Чего-й-то голова как будто бы кружится...“

И стало тут мерещиться царю:

От жарких щей пар по столу ложится

И вьется вверх... И там, у потолка.

Уже не пар, а облака...

Из облаков тех на пол

Вдруг мелкий дождь закапал,

Потом как зашумит, да как польет... беда.

Царь глазом не мигнул, как стол со всей едою

Бог весть куда

Снесло водою.

— „Конец! Пропали мы с тобою!..“

Царь в страхе и в тоске взглянул на мужика.

А мужику хоть что: Бог миловал пока.

Гляди, какую нам послал Господь находку:

Садись-ка в эту лодку...

Жаль, сломано весло...“

Уселись любо-мило.

Тут лодку ветром подхватило

И понесло.

Носилась лодочка на воле

Дня три, коли не боле.

Для мужика — живот потуже подвязать,

Да по три дня не есть — в обычай, так сказать,

И наш мужик бровей не хмурил:

Когда не спал, то балагурил.

Такой чудак!

Совсем не так

Сказался голод на соседе:

И наяву и забываясь сном,

Царь бредил об одном:

О недоеденном в последний раз обеде.

А дождь все лил да лил, сегодня, как вчера,

И лодку все несло теченьем.

Но вот настал конец мученьям:

На пятый, что ли, день с утра

Установилась погода —

В тумане голубом зазеленел лесок.

Но малом времени с разгону врылась лодка

В береговой песок.

Тут, выйдя на берег и помолившись Богу,

Царь с мужиком пустились в путь-дорогу.

Шли, шли да шли,

Усталые, в пыли.

Прибились к деревушке.

Но в первой же избушке

Нерадостную им пришлось услышать весть:

Во всей деревне им никто не даст поесть.

То ж, дескать, самое и в деревнях соседних,
Такой де мужики дождалися поры:

Пообнищали все дворы,
Давно уж в закромах нет выскребков последних.

Голодный царь, кляня судьбу,

Шел из избы в избу,

В одну зашел — и вмиг оттудова стрелой

С огромным хлебом под полой.

А за царем старуха следом

Со старым дедом.

— „Держи! Лови его!“ — кричат. —

„Последний хлеб украл! Хранили для внучат!“

Царь что есть мочи, без оглядки,

Да огородом, через грядки,

Домчался быстро до реки.

Глядит: на берегу толпятся мужики,

Склонившись над мертвым телом.

А тело то — без головы.

Стал царь, как вкопанный: „Я... вы... я, братцы...
вы...“

— „Чего тут выкаешь? Ты за каким тут делом?“

— „Гляди! Откелева такой?“

— „Фома, пощупай-ка рукой,

Что он запрятал там под полу?“

— „Ищи!“ —

— „Ой, батюшки! находка какова:

Вить под полою... голова!“

Да что ты? Мертвая?!“ — „Ну так и есть, гляди-ко!“

— „В крови весь чуб!“

— „Я... братцы... хлебец тут...“ — Царь озирался
дико.

— Молчи! Убивец! Душегуб!“

— Чего нам с подлым этим гадом

Тут канителиться-то зря?

Веревка есть, осина рядом...“

К осине мужики приволокли царя.

— „Ну, ирод, кайся!“

— „Да не брыкайся!“

— „Сунь в петлю-то башку!“ — „Теперича тащи!“

— „На добром слове не взыщи:

За подлые дела виси тут под откосом!“ —

Из сказки Демьяна Бедного „Морока“.

У р о ж а й.

Басня Демьяна Бедного.

Как у попа Ипата
Не борода—лопата.

Расправивши ее оплывшею рукой,
Печальных мужиков намедни
В конце обедни

Поп речью потчевал такой:

— „Ох, вижу: в помыслах мирских погразли все вы
Не богомольцы вы весной.

Все только думки про посевы:

А не побил бы град, а не спалил бы зной.

Почто мятетесь и плачетесь вскую?

Бог видит нашу скорбь и всю нужду людскую.

Казня и милуя нас, грешных, поделом.

Не судьи мы Господней воле.

Идите же со мною в поле,—

На всходах отпоем молебен всем селом.

И ущедрит вас Бог зерном по вашей вере.

И будет хорошо приходу и попу.

С вас много ль надо мне: с копенки по снопу.

Аль с закрома по мере“.

Читатель, не мудри и зря не возражай.

Поп линию свою ведет примерно.

Помолится, и будет урожай

У мужиков? Бог весть! А у попа наверно.

Коммунистическая марсельеза.

Сочинение Демьяна Бедного.

Мы — пожара всемирного пламя,
Молот, сбивший оковы с раба.
Коммунизм — наше красное знамя,
И священный наш лозунг — борьба
Против гадов, охрипших от воя,
Пожиравших все наши труды,
Для последнего страшного боя
Мы сомкнем трудовые ряды.

Кто честен и смел, пусть оружие берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Наших братьев погибших миллионы,
Матерей обездоленных плач,
Бедняков искалеченных стоны —
Скажут нам, где укрылся палач.
Пусть же знают, укрывшись в палаты,
Кто служил золотому тельцу,
Что настал час жестокий расплаты
Кулаку и банкиру-дельцу.

Кто честен и смел, пусть оружие берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед!

Всем насильникам воли народной,
Всем кормившимся нашим трудом.
Всем, кому был статьею доходной
И завод и молитвенный дом,
Всем, чьих прибылей ради разбойных,
Наша кровь и текла и течет, —
Умиравшие, гнившие в войнах,
Неоплатный пред'явим мы счет.

Кто честен и смел, пусть оружие берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Нам грозят еще гнусные гады.
Но уж пробил последний их час,
И не будет в бою им пощады,
Им, не знавшим пощады для нас.
Пусть не знают бойцы состраданья,
Чтобы враг обмануть нас не мог.
На развалинах старого зданья
Возведем мы наш светлый чертог.

Кто честен и смел, пусть оружие берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Никакая на свете работа
Для мозолистых рук не страшна.
Но ничья от народного пота
Не разбухнет уж больше мошна.
Хищный плут будет жадничать втупе,
Не набьет он своих сундуков.
В трудовой пролетарской коммуне
Нет богатых и нет бедняков!

Кто честен и смел, пусть оружие берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Против общего злого вампира,
Против шайки попов и господ,
Встаньте все, пролетарии мира,
Обездоленный черный народ!
Встаньте, рыцари нового строя!
Встаньте, дети великой нужды,
Для последнего страшного боя
Трудовые смыкайте ряды!

Кто честен и смел, пусть оружие берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть иль победа,
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед.

Интернационал.

(Международный гимн рабочих).

Вставай, проклятьем заклеименный
Весь мир голодных и рабов.
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья,—а затем
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем.

 Это будет последний
 И решительный бой—
 С Интернационалом
 Воспрянет род людской.

Никто не даст нам избавленья—
Ни Бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своей лишь собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,—
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо...

 Это будет последний... и т. д.
Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты,—никогда.
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,—
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей...

 Это будет последний... и т. д.

Уральское Областное Государственное Издательство.

1-ая Уральская Государственная Литография Е-К-Б.

80

34/7

ЦЕНА 20 РУБ.